

ДЕНИС МАКУРИН

ХИВОК

СБОРНИК РАССКАЗОВ

Денис Макурин

Хивок. Сборник рассказов

«Издательские решения»

Макурин Д.

Хивок. Сборник рассказов / Д. Макурин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-935005-3

Хивок — легкий ветер на Белом море. Хивить — слегка волновать, рябить воду. Замысел сборника рассказов «Хивок» в том, чтобы взволновать чувства и душу читателя, вывести его из состояния покоя.

ISBN 978-5-44-935005-3

© Макурин Д.
© Издательские решения

Содержание

Вступление. Кто мы, люди?	6
Часть I. На фоне серого неба	8
Страх	9
Сорока	13
Сон	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Хивок

Сборник рассказов

Денис Макурин

Редактор Галина Рудакова

Корректор Ольга Беспалова

Фотограф Герта Евменеева

© Денис Макурин, 2018

© Герта Евменеева, фотографии, 2018

ISBN 978-5-4493-5005-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вступление. Кто мы, люди?

К великому сожалению, в двадцать первом веке печи мало востребованы. Прогресс и цивилизация в каждом доме – не прибавить, не отнять! На смену неотъемлемой части деревенской избы и всеобщей любимице – русской печке – пришли бездушные котлы и паровое отопление. Раньше-то печь и кормила, и банькой была, и от всех недугов лечила, а уж сколько про неё сказок сказано – и говорить не приходится. И всё это оттого, что живая она. Правильно сложенная печь и дышит правильно. Размеренно дышит: вдох – выдох, вдох – выдох! Вражду и злой умысел забирает, душевное тепло да уют возвращает. Это вам не электрический котёл, у которого вместо души датчики.

Вместе с печами не стало и печных дел мастеров. Кто-то скажет: «Пустяки! Чтобы сложить печь, достаточно самоучителя». Тот, кто постарше, поспорит: «Чтобы сложить печь правильно и учесть все нюансы – нужен опыт!» Но на самом деле для того, чтобы печь ожила да ещё и душой дома стала, тут одной теорией и практикой не обойтись, здесь понадобится нечто большее. Прежде чем печь начнёт излучать не только тепло, но и счастье, прежде чем вокруг неё всё оживёт, в печь необходимо вложить частицы собственной души и добра. Помните пословицу «Что посеешь, то и пожнёшь»? То же самое и с печью: построишь её с любовью и чистым умом – будет счастье. А потому дальнейшее повествование пойдёт не столько о печке, и даже не о жизни, связанной с ней, сколько о человеке, без которого не было бы ни печки, ни происходящего возле неё.

Печник, о котором я хочу вам рассказать, когда-то очень давно строил русскую печь в деревенском доме у моих дедушки и бабушки. Мне тогда было лет девять, не больше, но, несмотря на столь юный возраст, я отчётливо помню то время, и поэтому мне не составит большого труда описать всё в мельчайших подробностях.

Звали печника Добрынин Иван Иванович. А какая ещё может быть фамилия у человека, который делает добро и несёт тепло в каждый дом? Деда Ваня, как я его называл, несмотря на преклонный возраст, был широкоплечим, мускулистым мужиком среднего роста; лицо загорелое, покрытое множеством морщин, особенно когда он улыбался: тонкими, как лучики, – у глаз, глубокими и мелкими – на лбу, широкими, вырытыми годами, – на щеках. Волосы у него были седые, густые, но практически прозрачные, а под носом красовались такие же белые усы, большущие, как у грузина. Когда он заходил к нам в избу, ему приходилось сильно наклониться, чтобы не удариться лбом о дверной косяк, и только потом, выпрямившись, поздороваться басом. У него были огромные ручищи, а его ладони – шершавые и твёрдые, как доска. Всем своим видом он напоминал мне Илью Муромца или дядьку Черномора из сказки Пушкина А. С., только этот занимался не ратным делом, а самым что ни на есть мирным. Когда он перешагивал порог нашего дома, казалось, что вместе с ним входило летнее тепло и солнце. Такой человек единым словом мог согреть, будь у тебя на душе тревога или за окном – зимняя стужа. Без всяких преувеличений это был солнечный человек.

Приходил деда Ваня не слишком рано, где-то к девяти часам. Заносил в дом три десятка кирпичей. Затем замешивал раствор: зачерпывал из бадьи мокнущую там глину, добавлял песок, всё перелопачивал и давал раствору немного постоять. Перед тем как его расстелить, ещё раз перемешивал, после чего приступал к кладке печи.

Каждый кирпич подвергался шлифовке: все неровности, острые грани и заусенцы стачивались абразивным камнем. Затем кирпич погружался в ведро с водой, где насыщался влагой. И только после этого он находил своё место в кладке. Огромная, мозолистая рука укладывала кирпич на «постель», осаживала, прижимала и выравнивала его. После чего мастерком заполнялись швы, а ладонь снова проходила по кладке, убирая подтёки и излишки раствора.

«Кто мы, люди? – обращался деда Ваня ко мне. – Кто мы, если не такие же кирпичики? Нас вот так же жизнь насыщает знаниями, стёсывает всё лишнее, и в итоге каждый находит своё место под солнцем».

А на следующий день он рассказывал мне про то, какие печи встречались в его судьбе: большая «набивная» печь, пахнувшая мамиными пирогами и картошкой в мундире; огромные остовы русских печей на пепелище, напоминающие скелеты невиданных зверей; маленькие «буржуйки», прожорливые, но согревающие всех, кто поместился в землянке, и вселявшие надежду; «голландки» – красивые и статные, говорящие о скорой Победе; заводские печи для обжига кирпича, сулящие скорое светлое будущее.

Так он приходил каждый день и выкладывал по три-четыре ряда. А я всё это время наблюдал, путался под ногами и слушал деду Ваню. Впитывал его слова, насыщал свою душу добром и светом.

Примерно через месяц печь и дымоход были закончены. Испытания прошли успешно, и теперь каждый день над нашим домом струился белый дымок. В скором времени печь полностью просохла, а раствор набрал положенную ему прочность, и вокруг неё закипела совсем другая жизнь. Деда Ваню я с тех пор не видел, но его слова вспоминаю до сих пор: «Кто мы, люди? Кто мы, если не такие же кирпичики?»

Часть I. На фоне серого неба

Страх

Страх бывает разный, например, за себя или за кого-то. Бывает, сковывает или, наоборот, подгоняет. В двухтысячном я испытал все его оттенки на себе.

Помню первые дни, когда вернулся домой из Чечни. Все друзья и знакомые были неподдельно рады: живой, руки-ноги на месте, и голова вроде бы тоже.

Самые частые вопросы были:

– Ну, что там? Как? Страшно было?

А я, если честно, не знал, что рассказывать, потому что страх действительно меня посещал. На любые расспросы я отвечал:

– По-разному было.

Получалось, что в глазах друзей я – герой. И в то же время мне врать не приходилось. Но кто что ни говорил бы и как ни идеализировал бы – страшно было!

Обстановка в Чечне начала обостряться в девяносто девятом с середины июня, что практически совпало с моим призывом в армию. О том, что боевики активизировались, мы узнавали из новостных передач и на политзанятиях от комсостава. Чем опасен террор в Чечне и какую угрозу обществу он несёт, все прекрасно понимали. Поэтому, как только появились первые известия о нападении на погранзаставы, я точно знал, что поеду на войну.

В августе, когда начались полномасштабные бои в Дагестане, я написал рапорт, в котором просился на службу в Чеченскую Республику. Тогда ещё никакого страха или тени сомнения и близко не было! Мечталось о подвигах, орденах и славе. Но на моё прошение был дан отказ, и первая партия ушла без меня. Правда, через три недели я вновь стоял в штабе и отвечал на вопросы:

– Готов? Не передумал ли?

Я ответил, что нет, не передумал. И после аттестации отправился на переподготовку в Челябинскую область.

В Чечне всюду шла наземная операция. Наши войска освобождали один населённый пункт за другим. Кольцо сжималось вокруг Грозного, а в отместку ваххабиты сбивали нашу авиацию из ПЗРК*. Я же в это время проходил подготовку в составе инженерно-сапёрной роты на Урале.

Гоняли нас до седьмого пота каждый день на протяжении двух месяцев. Утром марш-бросок на полигон, там отстрелялись – и бегом в казарму, сдаёшь оружие, идём строем на обед, после обеда чистишь оружие, приводишь себя в порядок. На другой день занятия в классах по минно-взрывному делу, а после ужина вновь получаешь автомат, грузишься в бортовой «Урал» – и снова на полигон, на так называемые «ночные стрельбы» (стрельбы в тёмное время суток). На третий день «по тревоге» бежишь в автопарк, помогаешь механикам получить аккумуляторы и установить их на бронемшины. После обеда чистка оружия, вечером приводишь себя в порядок. И так каждый день, как по нотам: стрельбы – чистка оружия, занятия в классах – ночные стрельбы, работы в автопарке – чистка оружия.

Стреляли много, очень много. Минимум по три рожка-магазина к автомату, это девяносто патронов, плюс по улитке к АГС**. Но стрелять – это ерунда и поначалу даже нравилось, проблема была в том, чтобы забить эти самые рожки. Ящики, а затем и цинки с патронами вскрывались только на стрельбище, поэтому снарядить магазины в тепле не было возможности. Вот и приходилось забивать их прямо на морозе. В рукавицах неудобно, всё делалось голыми руками, а патроны при минус двадцати здорово жгутся. Но со временем перестали обращать внимание и на это. Всё было доведено до автоматизма. Мы с оружием разве что не спали. Да и вообще я к своему автомату привык так, что практически сроднился с ним, он был продолжением или частью меня. И мне уже совсем не терпелось на войну. Стрельбы по металличе-

ским и фанерным мишеням – это пустяки, здесь каждый герой, мне же нужно было испытать себя в настоящем деле.

Был январь, боевики вырвались из осаждённого Грозного и рассредоточились по селениям Аргунского ущелья. В один из дней прозвучала команда:

– Сержантский состав, строиться! – мы поняли, что это отправка в Чечню.

Подъём был в 4.00 утра. Без суеты и лишнего шума наша группа экипировалась, получила вещмешки, но автоматы нам не выдали. Наверное, тогда-то и прозвенел в моей душе первый тревожный звоночек. Ещё не страх, а только беспокойство. Сами посудите: на войну и без оружия – аттракцион невиданной глупости! Тут поневоле заволнуешься.

На КамАЗе нас перебросили в Екатеринбург. Там сформировали отряд, выдали новую форму, жетоны с личным номером и сухой паёк на три дня. Поездом мы отправились на Кавказ.

Вторая волна беспокойства застала меня в Краснодаре. Там у нас состоялась пересадка, и мы почти целый день болтались по перрону в ожидании нужного нам поезда. В какой-то момент подошёл эшелон с разбитой бронетехникой, я осмотрел его и почувствовал дыхание войны.

Как сейчас помню: на платформах разорванные БМП с пятнами запёкшейся крови на броне, танки с оторванными и перевёрнутыми башнями, обгоревшие БТРы. Жуткое зрелище. Поражало и то, что вся эта техника была открыта для общего обозрения. Я подумал: «А как же родители тех, кто сейчас в Чечне? Кто-нибудь подумал о том, что испытают матери, увидев залитые кровью бронемашинны? Почему весь этот ужас не закрыли брезентами?» После увиденного романтики в моей голове изрядно поубавилось. Я как будто протрезвел и только сейчас понял, что там, куда я так стремлюсь – убивают.

Драматичности картине добавил небольшой случай с отслужившим в Чечне солдатом. Был ли он с этого эшелона, или сам по себе, не знаю. Мы стояли на перроне, солдат переходил по воздушному переходу. Увидев нас, он остановился, окликнул, спросил:

– Парни, вы в Чечню?

Мы хором:

– Да, на юга!

– Не ссыте! Всё будет нормально! Я сам оттуда, – замахнулся и с криком: «Угощайтесь!» – бросил нам банку сгущёнки.

Хорошо, ни в кого не попал. Банка упала на перрон и раскололась по швам. Я смотрел на вытекающее сгущённое молоко и думал: «Вот они, плоды войны: изуродованная техника, контуженные дембеля».

Далее был Моздок, и наш отряд с ещё десятком попутчиков погрузились на военно-транспортный вертолёт Ми-26. Шестьдесят человек по техническим характеристикам для Ми-26 – это нормально, можно и больше, но то ли винтокрылая машина была поизношена временем, то ли лица у нас были немного шире тех самых нормативов, только с ходу мы не взлетели, а сначала попрыгали по аэродрому. Так экипаж подстраховался, проверив, сможем ли мы взлететь вообще. Было ли мне в тот момент страшно? Да, было. Я боялся, что эта грохочущая махина развалится в воздухе.

Вертолёт летел низко, поэтому разглядеть то, что происходило на земле, не составляло труда. Под нами мелькали воронки и окопы, затем я увидел обгоревшие и раскуроченные бронемашинны, кульминацией стал уничтоженный войной город. Больше всего меня поразило перевёрнутый трамвай с зияющей дырой в борту. Но и это ещё не всё. Остроты ощущениям придавала не покидающая меня мысль о том, что с любой высоты по нашей вертушке может быть произведён выстрел проклятушим ПЗРК. Я думал: «Вот сейчас психанёт какой-нибудь моджахед и шандарахнет по нашему Ми-26, и шлёпнется тогда наша «корова»*** в ближайший орешник. А чем нам отбиваться от головорезов Хаттаба? Луками и стрелами что ли? Оружия-то нам до сих пор не выдали!»

Когда вертолёт сел на поле, нас встретил какой-то полковник. Он оперативно вывел нас с открытого места и препроводил в тыл нашей группировки войск. Мы выстроились перед штабом в две шеренги. Из полуразрушенного здания вышел командир части (тоже полковник) и начал доводить до нас оперативную обстановку. Широко размахивая руками, он указывал на близлежащие горы. Из лужёного горла вырывались обрывки фраз:

– Враг сосредоточен там! – и он показал на гору слева от нас. – Враг там! – и рука указала на гору справа. – И враг там! – рука устремилась в сторону аэродрома. – А мы здесь! – продолжал орать полковник. – И наша задача – не пустить врага к населённым пунктам, что за моей спиной!

Я стоял, слушал и чувствовал, как адреналин во мне просто зашкаливает. Я топтался в нетерпении, озирался по сторонам и думал: «Господи, дайте же мне этот чёртов автомат!»

Затем были зачитаны списки, и наш отряд раскидали по подразделениям. Когда командир роты привёл доставшийся ему десяток солдат в распоряжение и мы зашли в разрушенное здание, моя нервозность стала спадать. Все разбрелись по зданию, и я наконец-то добрался до оружия.

Контрактники встретили нас радостно. В первую очередь их интересовало, нет ли у нас чего-нибудь съестного. Я с лёгкостью распрощался с остатками былой роскоши и отдал свой сухой паёк на растерзание страждущим, а сам приступил к чистке вверенного мне оружия. К слову, с автоматом я больше не расставался, и даже, когда спал, он лежал у меня под головой.

Первые две недели я здорово психовал. Постоянно носил бронежилет и надевал каску, как это было предписано уставом, а выезжая на задание или заступая в усиление, старался без надобности не высовываться из укрытия. Бывалый вояка, наверное, невольно ухмылялся, поглядывая на меня со стороны. Я озирался и вздрагивал при каждом выстреле. В оправдание всё же скажу, что трусость тут ни при чём, срабатывал инстинкт самосохранения.

Человек очень быстро адаптируется к любой обстановке, и война не является исключением. Я сам не заметил, как начал вызываться на зачистки, а заступая в караул, уже не брал каску и выбирал самый лёгкий бронежилет. Когда тебе восемнадцать, ты по своей сути безрасчётный и хочется покрасоваться, к тому же я твёрдо верил, что меня не убьют.

И всё же моя уверенность пошатнулась. Я испытал настоящий шок, когда подорвались первые ребята. В это было трудно поверить, ещё с утра мы вместе курили и обменивались шутками, а уже днём их изуродованные тела выгружали у медсанбата. Ценность жизни не просто повысилась, она оказалась видимой, как и смерть, которая вдруг стала осязаемой: холодной, липкой и немой.

Спустя какое-то время страх трансформировался в злость. И даже если мысли о смерти ещё посещали, то я всё равно не знал, что такое быть убитым. Постепенно пришло понимание, что глупо бояться того, чего не знаешь.

В дальнейшем приобретённая злость здорово выручала в экстремальных условиях – я был собран, адекватен, быстро ориентировался в любой ситуации. Она помогала выживать. Вот только избавиться от неё потом было намного сложнее. Для восстановления душевного равновесия потребовались не месяцы, а годы.

Уже дома страх сделал новый виток и родился там, где его совсем не ожидал. Куда страшнее самой войны оказалась тишина. Вечером я долго не мог уснуть, а сомкнув глаза лишь на мгновение, вскакивал, объятый паникой с одной мыслью: «Что-то случилось!»

Там, на войне, каждую ночь вёл беспокойный огонь по близлежащим высотам. Стреляли и ухали из всех видов оружия, не жалея боеприпасов – чтобы уж наверняка! Чтобы ни одна гнида не могла подойти и совершить обстрел наших позиций. И вот под эту канонаду, под эту беспорядочную стрельбу... все засыпали. Проваливались в беспробудный сон, и каждый думал: «Раз стреляют, значит, часовые не спят. Значит, всё хорошо и ты живой!»

* ПЗРК – Переносной зенитный ракетный комплекс, предназначенный для транспортировки и ведения огня одним человеком.

**АГС – автоматический гранатомёт станковый.

***«Корова» – Ми-26, советский тяжёлый многоцелевой транспортный вертолёт. За свои габариты винтокрылая машина получила неофициальное название «летающая корова».

Сорока

Подбросил пару поленьев в буржуйку, подлил себе ещё немного горячего кофе из котелка, чёрного, как смола, присел на скамью и, обхватив кружку двумя руками, сделал глоток.

Армейский кофе не имеет ничего общего с тем кофе, что люди привыкли пить, просыпаясь у себя в тёплой квартире по утрам. Ароматный кофе из кофеварки, обязательно с сахаром и разбавленный сливками, нежный и в меру горячий, его пьют, чтобы продлить удовольствие от сна. Пьют не спеша, пьют маленькими глотками и строят планы на день, а может быть, досматривают сон. Армейский кофе не похож на тот кофе, что привыкли пить в офисе, тот, что обычно пьют во время рабочего дня, из кофемашин, с плиткой белого шоколада или конфетами «Рафаэлло», обсуждая с коллегами последние новости. В армии кофе без сахара, он такой же ароматный, но с запахом костра. Его пьют, чтобы быстрее согреться и отвлечься от происходящего, чтобы вспомнить, как ты пил каждое утро тот самый кофе со сливками – дома.

Звучит команда: «Рота, строиться! Форма одежды любая!» Все, как один, отбрасывают свои дела и выбегают из палатки, накидывая бушлаты на ходу. Торопятся, но без лишней суеты, становятся в две шеренги. Наш третий взвод в полном составе, второй и первый – от силы процентов пятьдесят. Одно отделение первого взвода ушло в разведку два дня назад и до сих пор не вернулось с задания. Надеюсь, у парней всё хорошо и вылазка пройдет гладко. В задачу того отделения входит выявление и уничтожение группы боевиков из семи человек, которую заметили с воздуха. Эти демоны обстреляли нашу «вертушку» с одной из высот, расположенной в сорока километрах от лагеря. Эту банду непременно найдут и ликвидируют.

Мы так с января воюем, шастаем по лесам и высотам, как партизаны. После тотального разгрома вражеской армии боевики рассредоточились на мелкие группы, и ловить их стало невероятно трудно. Днём они отсиживаются в землянках, а по ночам делают своё кровавое дело и обстреливают наши позиции.

Второй взвод понёс серьёзные потери в уличных боях примерно два месяца назад, а пополнение ещё не прибыло. Его, кстати, ждут со дня на день. А пока построились все, кто есть, и картина довольно удручающая.

Командир роты открывает список «Вечерней поверки» и не торопясь начинает выбирать двадцать человек, отсеивая тех, кто ещё не отдохнул с караула и кому заступать в усиление. Назначив ответственного за группу и составив короткий список, в котором оказался и я, капитан даёт команду: «Выйти из строя». После чего ставит простую задачу: доставить боеприпасы и сухие пайки на высоту закрепившейся и окопавшейся там десантно-штурмовой роте. Звучит команда: «Пять минут на сборы!»

В подобный караван я ходил уже десятки раз, знаю, что служба снабжения затарит килограммов по двадцать в каждый вещмешок, а ты карабкайся с ним на высоту по узкой горной тропе. Поэтому, как только зашёл в палатку, первым делом снял подкладку у бушлата, чтобы потом было не жарко идти. Затем выбрал самый лёгкий бронежилет, посмотрел на каску и шапку, но брать не стал. Подумал пару минут: фляжку взять с водой или гранату, – взял фляжку, сунул один магазин в нагрудный карман под броник, спарка магазинов уже на АКМ, рассовал по карманам спички, сигареты. Привычным движением закинул автомат на грудь. Попрыгал, вроде ничего не мешает и не брякает, выхожу строиться.

Командир взвода построил нас на прежнем месте и ещё раз пересчитал, уточнил маршрут нашего движения и местоположение роты десантников у капитана, затем аккуратно свернул карту в полевую сумку и дал команду: «Нале-во! Шагом марш». После чего мы направились в расположение роты обеспечения. Идти надо было метров триста, не больше, но идти через

поле, где грязи по уши, поэтому в строю поднялся недовольный гул. Ну, на самом-то деле, могли бы и машину за нами отправить.

Вообще февраль – это самое отвратительное время на Кавказе. Ночью минусовая температура и выпадает снег, а к обеду всё тает и превращается в грязь. Вот мы и идём, смешивая берцами белое с чёрным. Постоянная облачность, сырость и хлюпанье под ногами действуют просто угнетающе.

Через десять минут мы уже грузим вещмешки и пару ящиков с минами в бортовой «Урал», ещё пара минут – и вот мы уже усаживаемся на броне у БТРа, отряхивая с ног огромные куски грязи. Первым выехал БТР, оставляя после себя синее облако дыма, через минуту, подёргиваясь и громко урча, тронулся «Урал». Помню, тогда подумал: «Ну, всё, с Богом».

Ехали где-то час, может, чуть больше. И я, если честно, уже замёрз и начал дрожать, как осенний лист. Мне жутко надоело вот так просто сидеть и вглядываться в туман. Не терпелось как следует размяться, скорее бы уже доехать.

Выкатились на берег реки Аргун. И тут я про себя подумал: «Ну, слава Богу, приехали, а то чуть зад не отморозил». Дальше, куда ни взгляни – валуны, а за ними начинается лес, и БТРу с «Уралом» уже не проехать. Спешились, выгружаем и разбираем рюкзаки. Так и есть, натолкали в каждый вещмешок по двадцать, а то и тридцать килограммов, не меньше. Мешки, бедные, даже по швам трещат. Я зло ругнулся про себя: «Нашли мулов в этих проклятых горах!» И крикнул бы вслух, но подумал: «Что я, тряпка, что ли?» – взвалил мешок на плечи, немного попрыгал, чтобы поправить его у себя на спине, и отошёл от кузова машины.

Парни разобрали мешки, выстроились цепочкой. Первый – старший лейтенант с сапёром, замыкающий – ротный пулемётчик, я где-то в центре. Пошли потихоньку.

Начали подъём по узкой горной тропе, только что была грязь и серые валуны, а теперь заснеженный лес. От такой красоты даже дух захватывает, и на мгновение я забыл, где я и с кем. Тропа петляет вокруг вековых деревьев и, кажется, не будет ей конца. Так мы шли, наверное, около часа, сто потов сошло, от быстрой ходьбы дышалось с трудом. Подумал: «Ничего, терпи солдат, обратно-то налегке пойдём, да ещё с горы». Лейтенант кричит: «Полпути прошли, скоро привал!» Я чуть наклоняюсь и зачерпываю горсть снега на ходу, тут же немного откусываю, остальное растираю по лицу. Чувствую, как приятно зашипало кожу, и тут же начали гореть щёки. Прошло-то минут пять всего после слов лейтенанта, я уже представил, как опустошаю полфляжки за раз – и тут началось!

Из-за деревьев и камней повылезали проститутки бородатые, как черти из табакерки, и давай лупить по нам из всех стволов, будто мы мишени в тире!

Где-то скинул рюкзак, спрятался за ствол дерева, стреляю очередями почти наугад, перед глазами всё плывёт, адреналина столько, что хватило бы троих с того света вернуть! Сердце так громко стучит, что не слышу, как лейтенант отдаёт приказы. Ещё талый снег по лицу сползает. Пытаюсь считать патроны, надо бы мелкими очередями, палец на курке, будто деревянный сделался, всё жмёт и жмёт!

В трёх-четырёх метрах от меня раздался взрыв! Это точно он, ни с чем не спутаешь. При этом не было ни раскатов грома, ни запаха гари, только чёрные камни и шматки грязного снега взвились в воздух и замерли! По времени – это доли секунды, а мозг, как фотоаппарат, запечатлел картинку – и всё. Всё! После этого темнота! Вся суета разом исчезла. Оказывается, умирать в восемнадцать лет совсем не страшно.

Через какое-то время прихожу в себя и чувствую, что меня тащат под руки два человека. Я лицом вниз, мои ноги волочатся, почему-то бормочу: «Бросьте меня, мужики, я умер. Вытаскивайте остальных». Они и бросают. Я ныряю лицом в снег и думаю: «Чего ж так буквально-то», – и снова теряю сознание.

Открываю глаза, лежу на снегу, вокруг всё мерцает, всё ослепительно белым-бело. Большие сугробы, большие белые шапки снега на деревьях, воздух такой лёгкий, прозрачный и све-

жий, мне ни холодно, ни жарко, ничего не болит и не беспокоит. Вокруг тишина, нет ничего, кроме оглушающей тишины и белого света. Я в раю!

Кто-то придумал, что рай – это пляж на берегу моря и ты, разнежившись, прячешься от полуденного солнца в тени под пальмой. А кто-то рассказывает байки про врата рая, райские сады и ангелов. Они же ничего не знают. Вот глупцы! Рай – это не место, рай – это безмятежное состояние души! Закрываю глаза...

Прихожу в себя, жутко трясёт и мотает из стороны в сторону. Вокруг темно и сильно пахнет бензином, по звуку надрывающегося мотора я уже догадался, что никакой это не рай, а самый обыкновенный «УАЗик-буханка». Про себя подумал: «Раз куда-то везут и очень спешат, значит, я до сих пор живой». Голова поплыла, и я снова отключился...

Кажется, мы в лифте, доктор светит фонариком мне то в один глаз, то в другой и задаёт вопросы, я максимально собран и сосредоточен, но язык не ворочается, сил нет. Мне кажется, я чувствую боль, но где именно, понять не могу. Закрыв глаза, чувствую и слышу, как распаривают форму. А я думаю: «Жалко, ведь новая совсем», – и опять впадаю в беспамятство...

Просьпаюсь с ноющей болью, моя голова просто раскалывается. Хочется пить, слабость в руках и ногах, такое впечатление, будто у меня жуткий похмельный синдром. Я в палате реанимации, укрыт белой простышкой, к носу подвязана трубка, по ней подаётся кислород, к пальцу на левой руке прицеплена какая-то прищепка с проводками, на правой руке капельница. Заметив движение, ко мне подходит медицинская сестра, молоденькая, симпатичная.

– Доктор, он очнулся!

– Сейчас я подойду!

Доктор подходит через пару минут со словами: «Да ты в рубашке родился». Я уже улыбаюсь и пытаюсь пошутить, но сил совсем нет, и поэтому отвечаю ему шёпотом: «В бронезилете».

Неожиданно начинаю задыхаться, сердце сжалось и замерло, вижу, как все в палате начали бегать! Меня спрашивают: «Где болит, где болит?!» – а я не могу сделать даже вдох и начинаю рычать, от бессилия! Медленно теряю сознание...

Теперь я точно умер, только попал в ад! Опять ошибались те, кто рассказывал о подземелье, расплавленной лаве и истязаниях.

Кругом темнота, сплошная мгла, нет ни верха, ни низа, ни права, ни лева. Я будто парю в невесомости, я один во вселенной, и в ней нет луны, солнца и звёзд. Не нужно дышать, не нужно думать. Ад – это беспамятство и вечное забытьё, ад – это когда ты ничего не чувствуешь и абсолютно один. Что может быть страшнее?

Я очнулся от невыносимой боли, рядом стоял задумчивый доктор и что-то говорил медицинской сестре, а медсестра с мокрыми глазами, улыбаясь, убрала шприц и, потирая мою руку кусочком ваты, сказала: «Я в первый раз так сильно испугалась, но теперь всё будет хорошо. Ты помнишь, что ты мне говорил?» Я чуть заметно помотал головой и переспросил: «Я? Когда?» А она продолжила: «Только что. Я держала тебя за руку и просила не умирать, говорила, какой ты хороший и совсем молоденький, а ты ответил, что ради таких слов будешь бороться до конца!»

Странно, а я ведь, и правда, не помню, что говорил. И вроде окончательно пришёл в себя и чувствую, что силы возвращаются, а вспомнить своих слов не могу. Из памяти будто вырван кусок, огромный промежуток времени. При этом всё же одна мысль не даёт мне покоя: «Что же мою душу вот так швыряет, то вверх, то вниз? Она то белая, то чёрная. Сколько же во мне всего накопилось, что хорошее и плохое – всё перемешалось? Со стороны поглядишь: не душа, а полёт сороки на ветру».

Сон

Мне часто снятся сны. Обычные. Но так бывает не всегда. Бывает, приходит кошмар. Всегда один и тот же, он будто преследует меня. Я вижу его в чёрно-белом цвете, в мельчайших деталях. Он терзает моё сознание, беспокоит мою душу. Кошмар, посреди которого я просыпаюсь в холодном поту, испытывая ужас и непреодолимое чувство паники. Этот сон обрывается всегда на одном и том же месте: меня кусает шмель. Он подлетает ко мне со спины, залетает за ворот и кусает в области лопатки. Я никогда не вижу его, разве что замечаю краем глаза размытое чёрное пятно, больше похожее на мимолётную тень. Замечаю на мгновение, но я точно знаю, что это он: огромный, свирепый шмель, прилетевший именно для того, чтобы укусить.

Во сне я вижу обрывок дня. Не знаю, можно ли считать тот день счастливым или же всё-таки злополучным – судите сами. В том сне мне восемнадцать лет и я на войне. Это Вторая Чеченская кампания, середина февраля, мы на полуразрушенном Чечено-Ингушском цементном заводе. Последние группы головорезов отступили, бросив тяжёлое оружие. По данным разведки, они скрылись в Аргунском ущелье и растворились в горах. После того, как наша рота разминировала завод, от командования поступает приказ: «Оборудовать пункт временной дислокации на занятой территории». И вот уже в сотый раз я вспоминаю тот самый день в мельчайших подробностях: полуразрушенный завод, мокрый снег, грязь под ногами, запах сырой земли и вылазку в Чири-Юрт. И всё это вокруг поездки за обычными досками.

Согласно Боевому уставу, основные силы нашей роты были брошены к обустройству территории для ведения круговой обороны, параллельно мы заняли два полуразрушенных здания. В одноэтажное разгрузили боекомплект, в двухэтажном расположились сами. Выбрали комнаты, которые можно было обжить. Убрали с пола обломки кирпичей и стреляные гильзы, сколотили оконные и дверные рамы, поставили буржуйки. Оставалось дело за малым: сколотить стол и кровати. Проблема была в строительном материале, точнее, в его отсутствии.

Контрактник по прозвищу Бек предложил съездить за досками в опустевший и полуразрушенный посёлок Чири-Юрт. Когда его зачищали от боевиков, Бек заметил штабеля досок на одной брошенной базе в промзоне. Ротный дал добро. В кабину бортового «УРАЛа» сели трое, это были контрактники, или проще говоря – контрабасы. Контрабасами прозвали всех, кто служит в Чечне по контракту. В кузов запрыгнули трое срочников, я среди них.

Посёлок зачищен, добираться до склада пару-тройку километров, на всё про всё ушло бы не больше полутора-двух часов, поэтому решили выдвигаться, как говорится, налегке. У каждого АКМ на плече и по спарке магазинов к нему. Плюс к автоматам – у контрабасов разгрузочные жилеты с пятком гранат для подствольного гранатомёта, на нас – бронежилеты и каски. Погрузились, поехали.

Несмотря на то что была зима, в феврале на Кавказе, куда ни взгляни, всюду непролазная грязь, сырость и талый снег. Когда наш «УРАЛ» наконец-то тронулся, дёргаясь, фыркающая и выплёвывая клубы сизого дыма, то под его брезентом поднялось такое облако пыли, что хоть выпрыгивай. Мы приоткрыли завесу, и все трое вынырнули на свежий воздух. Так и ехали до самого склада: высунувшись из-под брезента. Долго мыкались по посёлку, плутая то в одну сторону, то в другую. Видимо, Бек не мог вспомнить, где расположена территория склада. Зачищая посёлок, наша рота заходила со стороны Дуба-Юрта, каждый взвод шёл строго по отведённой улице, а теперь мы въезжали со стороны завода, и понятно, что контрабасы не сразу сообразили, где что находится.

Наконец-то приехали. Машина остановилась, мы повыпрыгивали из кузова. Бек осмотрелся, сдал задним ходом поближе к штабелям и заглушил мотор. Мы тоже немного огляделись и стали отряхиваться от пыли.

Нас, восемнадцатилетних салаг, на этой войне берегли. Контрабасы всегда шли первыми. Не важно, какая стоит задача: зачистка селения или разминирование дорог, – более опытные всегда впереди. Этот раз также не стал исключением. Контрабасы, прихватив АКМы, отправились осмотреть штабеля и склад на наличие растяжек, а нам велели оставаться и грузить доски. Закончив осмотр, они вышли с территории и скрылись за складом. Мы поснимали с себя каски, приставили к колесу автоматы и приступили к погрузке.

Вся складская территория была огорожена двухметровым забором из бетонных плит. Почти половину всей этой территории занимал одноэтажный кирпичный склад. К зданию склада был пристроен небольшой навес, к этому навесу примыкали штабеля из досок, нагромождённых почти до самой крыши. Бек припарковался очень удачно, практически вплотную к штабелям, так сказать, на расстоянии вытянутой руки. Доску брали самую ходовую – пятидесятку. Из такой и кровати, и столы, и укрытие соорудить можно. Погрузку закончили минут через пятнадцать. Присели перекурить. Внезапно тишину прервал громкий взрыв! Затем раздалась короткие автоматные очереди!

Первая мысль, которая у меня промелькнула: «Контрабасы попали в засаду!» Я крикнул: «К бою!» Мы побросали сигареты, мгновенно схватили автоматы и уже на ходу взвели затворы. Рассредоточились как-то машинально. Димка залёг тут же, прямо в мокрый снег, под колёса нашего «УРАЛа» и мгновенно направил ствол автомата к выходу с территории. Серёга побежал в открытые ворота склада и спрятался за колонной. Я запрыгнул на штабеля, затем на навес и уже с него перебежал на крышу складского помещения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.